Во стольнем во городе Киеве

Во стольнем-то городе Киёве,
Што у ласкова у князя у Владимера,
Было пированье-стол, почёсен пир.
Вси на пиру напивалисе,
На чесном пиру наедалисе,
Все были пьяны и ве́селы.
Тут Владимер-от князь распотешилса,
Стал по гринюшке похаживать,
Сапог о сапог поколачивать,
Белыма руками приразмахивать.
Говорил-то Владимер таковы́ слова́:
«Уж вы ой еси, все князья-бо́ера,
Все уж моґуцие боґа́тыри,
Палени́цы все уда́лые!
Вы не знаете ли мне полюбовницу,
Полюбовницу мне — красну́ де́вицу?
Таку́ бы: девица росто́м ровна́,
(Как Вы!)
Росто́м ровна́, повысока́;
Коса бы руса́ у ей бы — до по́еса,
Очи ясны были у ей — как у сокола,
Брови че́рные у ей — как у соболя;
Штобы могла она поклониться кнезья́м всем, бо́ерам,
Всем могучим боґа́тырям
И поленицам всем удалыим!»
Из-за того ли из столика сере́днего,
Из-за столика булатного
Вставал тут удаленькой добро́й молодец,
Вставал он на резвы́ ноги —
Дунай сын Иванович:
«Уж ты батюшко король леховинское,
Позволь мне слово сказать, слово вымолвить!
Я не столько живал на Светой Руси —
А я больше живал ведь в проклятой Литвы.
У того у короля леховинского

Есть тут любимая дочь — Опраксея-королевичня.
Та росто́м ровна́, росто́м высока́,
Коса́ руса́ у ей — до по́еса,
Очи ясны у ей — как у сокола,
Брови че́рные у ей — как у соболя!»
Спроговорил же король да ляховинской же:
«Уж ты ой еси, Дунай свет Иванович!
Ты бери-ко силы, сколько надобно.
Коґда с добром — бери её,
А не даст — так возьми силою!»
Спроговорит Дунай сын Иванович:
«Мне не надо силы — своей сметы нет;
Только дай мне назва́ного бра́телка —
Добрынюшку Микитича!»
Скоро ко́ней осе́длали;
Поехали добры молодцы —
По чисту́ полю курева́ пошла.
Приехали они к королю да ляховинскому.
Они пра́вили стено́ю — да не дорогою:
Они ехали чрез стены те городовыя.
Поставили добры́х коней на кнеженецкой двор
Не связанных они и не привязанных.
Пошол тут Дунаюшко с Добрынею
Во светлы гринюшки к королю леховинскому.
Оставил Добрыню во светлы́х сенях,
Сам зашол к королю ведь ляховинскому.
Спросил его король ляховинской же:
«Зачем ты, Дунай, пришол-приехал же?
За торго́м иль за това́рами,
Иль по-прежнему служить мне?»
Спроговорит Дунай да свет Иванович:
«Не за торго́м я к тебе да не за това́рами!
А приехал я за любимою дочерью, Опраксеей-королевичней —
За нашего князя за Владимера!»
Спроговорит король ляховинской же:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко!
Кабы не жил у меня — я бы отсек по пле́чам го́лову!»
Спрого́ворит Дунай во второ́й-от раз —
Не получил ответу от его.

Спроговори́л он третий раз —
То вскричал король ляховинской же:
«Вы вставайте, петнадцать тотаровей,
Вы берите Дуная за праву́ руку́, —
Вставайте, другая петнадцать,
Вы берите Дуна[я] за леву́ руку́!
Вы ведите Дуная во глубо́к подгрёб!»
Махнулса Дунаюшко право́й рукой —
Упали тотарове без памети!
Отмахнулсе Дунаюшко лево́й рукой,
Взял тут Дунаюшко дубинку подорожною,
Стал по гринюшке помахивать —
Король по засто́лью стал побе́гивать.
Тут скопилосе силы во двор — и смету нет!
Выходил ле Дунаюшко во светлы́ сени́,
Брал он Добрынюшку с красна́ крыльца́,
Они брали тотаровей за́ ноги.
Махнутса — так и улица,
Отмахнутса — с переулками!
Увидала тут Опраксея-королевичня,
Выходила она к батюшку:
«Уж вы ой еси, батюшко-король ляховинское,
Оставь ты тотаровей на се́мена!
До́бри-ти отцы да до́брых дочерей
Отдавают с пивом-бра́гою —
А верно мне быть за има́!»
Тоґда вышел король на красно́ крыльцо́,
Говорил таковы́ речи:
«Оставь мне, Дунай, тотар на се́мена —
Бери Опраксею-королевичню!»
Зашол Дунай, брал он Опраксею на ру́ки.
Она начала́ сле́зно пла́кати:
«Зови ты, батюшко, на угощение их!»
Тоґда сказал король ляховинской же:
«Заходите, Дунаюшко, во све́тлицы!
Не угодна ли тебе пива пьяного?»
Сказал тут Дунай-от Иванович:
«На приезди нас не употчёвал —
На отъезди не учоствовать!»

Сажал Дунаюшко Опраксею-королевичню
На добра́ коня́ наза́д себе́,
Поехали они ры́сью боґатырскую.
Приехали они во своё полё чистоё.
Увидал тут Дунай-от Иванович,
Што ездит храбёр добрый молодец:
Копья кида̄т кверху — на подъезе подхватыва̄т.
Не честь была хвала молодецкая
Не узнать тут Дунаю до́бра мо́лодца.
Передаёт он Опра́ксею-королевичню
На добра́ коня́ Добрынюшки Микитичу,
Приказал отвезти князю Владимеру.
Сам отправилса к до́бру мо́лодцу.
(Встречу.)
Они рыцарски стали те́шиться:
Сабли пощорбалися и копья извихнулися.
Стали тенуться через гривы лошадиныя:
(У их мода была.)
У соперника нога ока́тилась — пал он на́ землю.
Тут Дунай свет Иванович
Ростегнул он латы железныя —
Увидал тут ти́тки женския.
Тоґда сказал он: «Ну Настасья-королевичня!
(Сестра Опраксеи.)
Сестра твоя за Владимером, а ты быдь за мной!»
Спрого́ворит Настасья-королевичня:
«Кабы я не здесь была — теперь воля ваша же!»
Они сели на добры́х коней
И поехали к стольнему городу Киеву.
Тут устроен был у Владимера великий пир,
В чести́ был Дунай сын Иванович.
Повы́пил — стал хвастать он:
«Нет на свете си́льней меня,
И нет на свете умне́е меня,
Как и в стрелочку собо́льнею метне́е меня!»
Тут спроговорит Настасья-королевичня:
«Не добро́м ты хвасташь: сильне́е тебя есь —
Илья Муромец,
Умнее тебя — Добрынюшка Микитич ведь,

А во стрелочку собольнею я метне́е тебя!»
(Какая!)
Тут Дунай Иванович не вытерпел —
Пожелал с ей на стрельбу вытти.
Они вышли в чисто́ полё,
Стали в означенное место,
Положили златы́ персни́ на го́лову.
Стре́ла Настасья-королевичня:
Сквозь перстень простре́лила — перстень не уро́нила!
А стре́лил Дунай сын Иванович —
Первый раз он не до́стрелил,
Второй раз он пе́рестрелил!
(Пьяненький, видно, был.)
Тут взмолилась Настасья-королевичня:
«Ты прости меня, Дунай сын Иванович!
Первый раз ты не до́стрелил,
Вто́рой раз ты пе́рестрелил,
А третий раз — ты за́стрелишь.
Не губи ты меня: в утроби есть младе́нь хорош!»
Не поверил Дунаюшко Иванович —
Застрелил Настасью-королевичню.
Розрезал грудь — увидал: младе́нь хорош!
Не стерпел тут Дунай Иванович:
Поставил копьё во сыру́ землю́ —
На во́стрый конец стал грудью нава́ливать.
Проговори́л Дунаюшко таковы́ слова́:
«От младенца вырости ракитов куст,
А от моей крови горячей будь Дунай-река!»
Так и скончался он тут.
(Боле и всё.)

(Зап. А. М. Астаховой 12 июля 1928 г.: д. Большие Нисогоры Лешуконского р-на — от Иванова Филиппа Васильевича, 74 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.